

УДК 821.111-94
ББК 84 (4Вел)-44
П24

First published in Great Britain in 2009
by Hodder & Stoughton
An Hachette UK company

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Max Pemberton
WHERE DOES IT HURT?
WHAT THE JUNIOR DOCTOR DID NEXT

Перевод с английского
Ирины Гольбиной

Фото автора на обложке
Heathcliff O'Malley
Telegraph Media Group Limited 2020

Пембертон, Макс.

П24 Где болит? Что интерн делал дальше / пер. с англ. яз.
И. Д. Гольбиной. — Москва : Издательство АСТ,
2020. — 304 с. — (Спасая жизнь. Истории от первого
лица).

ISBN 978-5-17-120907-0 (рус.)

ISBN 978-0-340-91992-7 (англ.)

Во второй части трилогии Макс уходит из больницы и становится сотрудником «Проекта Феникс». Держась больше на крепком чае и юношеском энтузиазме, чем на предыдущем опыте, он должен разыскивать и лечить своих разношерстных пациентов, к встрече с которыми его не подготовил год интернатуры: от Молли, 80-летней наркокурьерши, до Бога, обитающего на парковке супермаркета, и матерей семейств, зависимых от мнения соседей и обезболивающих таблеток.

Друзья не одобряют его выбор, мама за него волнуется, а прохожие на улицах в него плюют, но Макс полон решимости изменить жизнь бездомных и наркоманов к лучшему. Несмотря на то, что чудеса случаются редко и не всякому из его пациентов можно помочь, Макс, удивляясь сам себе, понимает, что кое-что ему все-таки удастся.

Забавная, трогательная и жизнеутверждающая книга, в которой Макс, даже копаясь в мусорных контейнерах, не теряет чувства юмора и уважения к ближнему.

УДК 821.111-94
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-120907-0 (рус.)
ISBN 978-0-340-91992-7 (англ.)

© Max Pemberton 2009
© И. Д. Гольбина, перевод, 2020
© Heathcliff O'Malley / Telegraph Media
Group Limited 2020, фото на обложке
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Элли

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	29
ГЛАВА 3	52
ГЛАВА 4	69
ГЛАВА 5	87
ГЛАВА 6	107
ГЛАВА 7	131
ГЛАВА 8	152
ГЛАВА 9	177
ГЛАВА 10	195
ГЛАВА 11	212
ГЛАВА 12	233
ГЛАВА 13	255
ГЛАВА 14	278
ГЛАВА 15	294
Благодарности	300

ГЛАВА 1

Этот парень только что в меня плюнул. Понадобилось пару мгновений, чтобы я это осознал. Нет, точно, он в меня плюнул. Плевок попал на тротуар — вот он, блестит в паре сантиметров от моей ноги. Я не сразу сообразил, как реагировать. Раньше в меня никто не плевал. И никто не пришел на помощь, потому что я не в больнице, а мужчина, который в меня плюнул, не пациент, а просто случайный прохожий. Я на него даже не смотрел, не говоря уже о том, чтобы сделать что-то, что спровоцировало агрессию. Наконец, я решил соорудить возмущенную мину добропорядочного члена общества. Да, он осознал свою ошибку. Но оборачиваться не стал. Черт!

Я повернулся к мужчине, сидящему рядом.

— Да вы не беспокойтесь, — сказал он, — они всегда так делают.

Он отхлебывал суп из пластикового стаканчика.

— Но... но... — начал я, не в силах подобрать слова, чтобы выразить свое негодование.

Сидя там, на асфальте, я понимал, что парень, который в меня плюнул, поступил так, потому что не знал, кто я есть. Он не понял, что я доктор и прилежал на тротуаре, пытаюсь убедить пациента с гангреной ноги поехать со мной в госпиталь. Жестокая правда заключалась в том, что он плевал в бездомного. Выходит, я так быстро вписался в уличную жизнь?

Я окинул себя взглядом: застиранная футболка, джинсы, грязные кеды и рюкзак на коленях. Отнюдь не Джордж Клуни, скорее, Ворзель Гаммидж. Пожалуй, напрасно я не надел галстук.

Мужчина, сидевший рядом со мной, теперь выискивал вшей у себя подмышкой. От него дурно пахло. Я собрался было ему об этом сообщить, но передумал: один раз в меня уже плевали. Нет, решил я, пока прохожие равнодушно перешагивали через нас, так быть не должно. Не для того я целый год отпахал интерном, планктоном в больничной пищевой цепочке, чтобы сидеть на холодной мостовой и сносить плевки. Двенадцать месяцев я копался во всех ходах и отверстиях человеческих тел и считал, что ниже падать уже некуда. О чем я думал, когда соглашался на эту работу? Я вспоминал сегодняшнее утро, утро моего первого рабочего дня на новом месте. Все начиналось так хорошо...

Утро выдалось солнечным и ясным. Мои соседки, Руби и Флора, тоже выходили на новые места работы. Мы сидели и ели теплые круассаны, намазав их маслом, а солнце струило свои лучи в окно, освещая страницы утренних газет, которые мы неторопливо листали. Флора приготовила целый кофейник ароматного кофе, и мы со вкусом его попивали, рассевшись вокруг кухонного стола.

Мы были счастливы сознанием того, что год интернатуры остался позади и теперь можно начать настоящую карьеру в самостоятельно выбранной специальности. Конечно, в иерархии мы оставались младшими, но уже немного старшими младшими.

Мы больше не были планктоном — скорее, простыми одноклеточными организмами, на которые тоже можно кричать, но уже непостоянно, как раньше. Предвкушение первого рабочего дня наполняло радостью. Мы пожелали друг другу удачи и отправились по своим новым работам, насвистывая на ходу.

Ладно, все было совсем не так, признаю. Утро пронеслось как в тумане. Помню, я проснулся от панических криков, когда Флора и Руби поняли, что обе проспали.

— Ты же обещала меня разбудить! — вопила Руби, пытаясь одновременно чистить зубы и расчесывать волосы.

— Ничего подобного! Ты обещала разбудить меня! — орала в ответ Флора, споткнувшись о гладильную доску в процессе натягивания колготок.

Я приоткрыл один глаз и посмотрел на часы: 15 минут до начала работы. О нет! Через 10 минут я уже выскакивал в дверь, успев принять душ, одеться и выкурить сигаретку. Если интернатура меня чему и научила, так это собираться со скоростью молнии, чтобы оставалось время на быстрый перекур.

Я бросился к станции, вклинился в толпу пассажиров, дожидавшихся поезда на платформе, и только тут начал постепенно просыпаться. Еще один ценный навык интерна, гораздо более полезный, чем уметь спасти людям жизнь, — делать все, что от тебя требуется, практически во сне и выглядеть при этом вполне себе бодро. Поезд въехал под крышу, и толпа бросилась к дверям. Стоя

на пяточке площадью не больше пары сантиметров, который мне удалось отвоевать, я смог, наконец, спокойно подумать о работе, которой собирался заняться, и немного оправиться от похмелья.

Естественно, вчера мы собирались лечь пораньше. Но, пережив год тяжких мучений, решили-таки это отметить — с фейерверком. И боже, теперь этот фейерверк полыхал у меня в голове! Во рту пересохло, каждый толчок состава отзывался новым приступом головной боли.

Ладно. Надо сосредоточиться. Включить режим «доктор».

Я и сам толком не знал, почему согласился на эту работу. Думается, отчасти из банального любопытства, ну и да, потому что она позволяла сбежать из больницы с мигающими лампами дневного света, от менеджеров с их диаграммами и злобных консультантов. Однако в первую очередь мне хотелось ответов. Город усыпан обломками разбитых человеческих жизней. Они попадают к нам у дверей магазинов, спят на парковых скамьях. Мы видим использованные иглы в водосточных желобах и пустые пивные банки, плавающие в канале. Мы живем рядом, но не пересекаемся между собой, и только начав работать врачом, я столкнулся с пациентами из разных социальных слоев, в том числе с самого дна.

Собственно, поскольку болезни и бедность идут рука об руку, мы встречались с ними весьма часто. В свой первый год, принимая в отделении скорой помощи бездомных, алкоголиков и наркоманов, подлатывая их и отпуская на все четыре

стороны, я постоянно спрашивал себя, что я делаю. Действительно ли я им помогаю, а если нет, то как им можно помочь? Я поражался страшным откровениям, которыми они делились со мной, пытаюсь понять, почему траектория их жизней так отличается от моей и почему одни люди как-то справляются, а другие — нет. Мне хотелось знать реальные истории бедолаг, которых мы перешагиваем по дороге на работу, которые выпрашивают у нас деньги и пугают нас поздними вечерами. К примеру, в какой момент человек совершает выбор, который в результате делает его героиновым наркоманом?

— Ой, ты такой странный, — заявила Руби, когда я впервые рассказал ей о будущей работе. — Почему ты не можешь быть как все и найти нормальное место, где надо лечить нормальных людей?

Мы стояли с ней в отделении скорой помощи, и как раз в этот момент в двери вошел человек с сиденьем от унитаза, торчавшим из головы.

— Ну, ты понял, что я имею в виду. Преимущественно нормальных, — поправила она, глядя, как мужчина пытается без очереди проникнуть в кабинет. — Никто не работает с проститутками и наркоманами по собственной воле. Ты что, ничему не научился в медицинском колледже? Наш Священный Грааль — это пожилые дамы, которые в благодарность дарят врачам шоколад.

Со стороны Руби это прозвучало немного лицемерно. Сама она собиралась работать в травматологии и ортопедии. Нормального человека одно название должно было отпугнуть. В ее обязанности

входило бежать туда, откуда все остальные, если пребывали в здравом уме, старались скорее смыться.

Флора отреагировала чуть более благосклонно.

— Ну, я думаю, это интересная область и долж- ность стоящая, — сказала она, — но если тебе бу- дут дарить конфеты, не ешь. Там может оказать- ся героин. Так делают, чтобы подсадить человека на наркоту. Мне мама рассказала.

Я не стал сообщать Флоре — в основном по- тому, что у нее зазвонил пейджер и ей пришлось бежать копаться у пациента в заднице, а не из нежелания критиковать ее маму, — что именно поэтому и выбрал такую работу. У всех, от обы- вателей, занятых в своих коттеджах просмотром *«Жителей Ист-Энда»*, до политиков, ломающих копыя в Палате общин, имеется мнение относи- тельно наркоманов и бездомных. Кто-то считает, что они заслуживают сочувствия, кто-то, что им надо дать пинка под зад. Должен признаться, сам я не знал, что о них думать, и поэтому решил, что это отличный способ разобраться. А исследовать всю глубину человеческого падения невозмож- но, не замочив ног в мутных водах. Мне хотелось сменить ракурс, посмотреть на ситуацию по-дру- гому, оценить все свежим взором. А может, Руби была права, и я просто сошел с ума. Наверное, я стал живым доказательством того, что невоз- можно питаться исключительно едой с круглосу- точных заправок и сохранить после этого здравый рассудок.

Мои мысли продолжали лететь вперед, пока по- езд подходил к станции. Учась на медицинском

факультете, я одновременно получил ученую степень по антропологии. Меня завораживал тот факт, что наше общество — не одна гомогенная группа: оно состоит из бесчисленных подгрупп, члены которых плавно перемещаются между ними. Здесь, в одном со мной вагоне, ехали люди из разных социальных слоев, с разными представлениями о мире, но существующие в одной культуре; при этом у двух человек, стоящих бок о бок, могло не быть практически ничего общего. Можно, конечно, изучать далекие страны и жизнь их коренного населения, но и в нашем обществе есть масса разных культур, представители которых контактируют между собой, создавая тем самым разветвленную сеть. Люди, с которыми мне предстояло работать, являлись частью этого общества, и я хотел составить представление об их мире, стать антропологом в своем собственном городе. Виновато ли общество в их падении или же они виноваты в общем падении нравов?

К вконец ужасу друзей и родных я выбрал работу в проекте по взаимодействию с бездомными и в клинике для наркозависимых. «Проект», «клиника» — звучит впечатляюще, правда? На самом деле мне предстояло работать с отбросами общества, отщепенцами: наркоманами, проститутками, мальчиками по вызову, сутенерами, бомжами, пьяницами, уличными мошенниками и ворами. Весь следующий год я буду их лечить. Правила таковы: сами они ко мне не придут, так что мне надо идти к ним. Да и вообще, раз я решил составить представление об их мире, то должен в него погрузиться.

Собственно, далеко ходить мне не придется: они в городе, прямо у нас под носом. Вроде бы они живут на границе цивилизации, но при этом — в самом ее центре: на больших проспектах и в уютных городских парках. Они повсюду, только приглядишься.

Поезд рывком остановился, вернув меня к реальности. Двери распахнулись, толпа повалила наружу, и я вместе со всеми вышел на платформу.

Я шагал к выходу в лучах утреннего солнца, плотно окруженный людьми, обтекающими меня со всех сторон, словно косяк рыб. Они толкались и пробивались вперед, таща свои портфели и сжимая в руках стаканы с латте, целеустремленные и равнодушные ко всему вокруг. Я отступил в сторону от дверей, чтобы не столкнуться с одним из них, и пару минут копался в карманах в поисках кое-как нацарапанной карты. Часы показывали 9:30; я уже опаздывал. Но у дверей я был не один.

— Есть монетка, приятель? — сказал мужчина, сидевший на полу.

Я замер, поглядел на него и покачал головой. Он молча смотрел на меня, пока не поймал взгляд следующего прохожего, к которому обратился с теми же словами.

Я вышел на улицу, прокладывая себе путь в потоке людей, торопившихся на работу. По мере удаления от станции поток редел, потом совсем растаял, и вот уже я шел по тротуару один. Минут через пять магазины стали беднее; возле дверей валялись мусорные мешки, которые никто не вывозил, и их содержимое рассыпалось наружу. Краска

с домов лупилась, разруха становилась все заметнее, везде сквозила заброшенность. Рекламы больше не горели призывно, заманивая обеспеченных горожан; здесь предлагались звонки в Африку по сниженным ценам, подержанные компьютеры и дешевая одежда. На последних двух лавчонках вообще не было никаких отличительных знаков, только закопченные окна, пестреющие постерами и граффити.

Я еще раз сверился с картой: совершенно точно я заблудился. Дальше по улице высились панельные корпуса социального жилья, серые и отталкивающие. Я развернулся и пошел назад. Двое мужчин, неподвижно стоявших на другой стороне улицы, наблюдали за мной. Мне стало немного не по себе. Прошу, не надо обкрадывать меня еще до того, как я начну работать. Дайте хотя бы выпить чашку чая. Они как будто о чем-то договорились, хоть и без слов: один поглядел на другого и кивнул, а потом пошел через дорогу. Приблизившись, он бросил на меня косой взгляд и прошептал, почти прошипел:

— Коричневый или белый?

К моменту, когда я расслышал, он был в нескольких шагах позади меня. Я остановился и оглянулся.

— Извините?

Я не понял, что он спрашивает. Он замедлил шаг, но не развернулся, просто снова перешел улицу и возвратился на прежнее место, рядом со вторым. Они постояли еще пару мгновений, с подозрением глядя на меня, а потом разошлись в разных направлениях. Когда я снова поглядел в их сторону,

там никого не было. Я решил, что должен как можно быстрее найти свой офис.

Я начал считать номера домов. Между 267 и 269 нашлась неприметная дверь без номера и таблички. Слева торчал интерком с бумажкой, подписанной от руки: «Проект Феникс». Его-то я и искал. Нажав на звонок, услышал щелчок отпираемого замка. Я зашел внутрь, и дверь за спиной захлопнулась. Я оказался перед еще одной дверью с интеркомом. Потянулся было к кнопке, но она распахнулась сама.

— Вы новый врач? — спросила женщина, таща мимо меня велосипед.

Я кивнул и открыл рот, чтобы представиться.

— Отлично. Идемте со мной. У нас сегодня масса дел, — продолжила она, не давая мне шанса ответить.

У нее были бусы на шее и длинные распущенные волосы. Наверняка она делала тату хной и ела органический салат.

— Я Линн. Для начала вам придется снять это, — сказала она, взглянув на мой галстук.

— А что не так? — спросил я.

Она ничего не ответила, даже не посмотрела на меня, пропихивая велосипед в двери и выкатывая на улицу.

— Нам надо поехать в приют, осмотреть одного мужчину. У вас стетоскоп с собой? У нас тут его нет. А велосипед есть? Тогда поедете на автобусе. Адрес я вам написала. Увидимся на месте, хорошо?

И прежде чем я успел произнести хоть слово, она укатила прочь. Я перешел дорогу и уселся